

УДК 94"15/18"

СТРАШНЫЙ И ПРИВЫЧНЫЙ ВРАГ: КОННИЦА КРЫМСКОГО ХАНСТВА ПРОТИВ ВАГЕНБУРГА (XVI–XVII вв.)

© 2018 г.

А.А. Шейхумеров

Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь

amet.sheykumerov@mail.ru

Поступила в редакцию 08.02.2018

Рассматривается тактика крымскотатарской конницы в борьбе с вагенбургом. Выделяются тактические приемы, используемые ханскими полководцами при столкновениях с вагенбургом. Чаще всего для взятия вагенбурга использовались атаки на марше и блокада. Прямые атаки на вагенбург, как правило, отражались его защитниками. Ввиду эффективности вагенбурга в боях с конным противником случаи его полного уничтожения крымским войском были крайне редки. Однако при определенных обстоятельствах даже такое сильное и эффективное в сражении с конницей укрепление могло быть захвачено. Показывается отношение к вагенбургу самих крымских татар, уважавших его мощь и силу и вместе с тем бравировавших тем, что их неприятели избегают полевой битвы, предпочитая сражаться из-за возов.

Ключевые слова: Крымское ханство, военное дело, конница, Восточная Европа, тактика, вагенбург, казаки.

Несмотря на появление в последние годы ряда публикаций, посвященных войску крымских Гиреев, некоторые темы, связанные с военным делом крымских татар, практически не изучены. В число их стоит отнести тактические приемы, используемые крымскотатарской конницей в столкновениях с вагенбургом, не получившие освещения в историографии. Цель данной работы – осветить аспекты борьбы конницы Крымского ханства с вагенбургом.

Возникшее в 1442 году Крымское ханство являлось активным участником международных отношений в Восточной Европе. На протяжении более чем трех веков армии ханства принимали участие в многочисленных военных кампаниях против самых различных неприятелей. Однако в тактическом отношении уже с начала XVI века наиболее опасным противником для преимущественно легковооруженных крымских татар были всевозможные полевые укрепления – в первую очередь вагенбург (известный в Польше и России как табор), а также гуляйгород, шанцы, валы и т.д. В десятках битв с польскими, литовскими, русскими, казацкими и молдавскими войсками крымская конница была вынуждена сражаться со столь привычным для себя и вместе с тем опасным противником. Вагенбург представлял собой серьезное препятствие для любой конницы, тем более актуальным это было в отношении крымской армии, почти не имевшей огнестрельного оружия. Распространенным было мнение, что пехота с «вогненным боем», опираясь на полевую фортификацию, представляла собой практически неодолимого противника для ханских ратей. В 1628 го-

ду, комментируя планы запорожцев выступить на Крым, каштелян краковский Ежи Збаражский писал, что если казаки пойдут «табором, ружейно, с хорошей артиллерией», то татары ничего не сумеют им сделать [1, с. 138]. И все же постоянное использование вагенбурга войсками соседних стран вынуждало крымскотатарское командование искать способы борьбы с ним.

Табор представлял собой возы и телеги, поставленные вместе. Как правило, возы ставили в несколько рядов (казацкие таборы ставились в глубину от 5–6 до 12 рядов). Для защиты от неприятельского огня и дабы помешать врагу опрокинуть или раздвинуть возы, на них ставили мешки с землей и песком или же просто засыпали их. С целью усиления защиты возы также скрывали друг с другом цепями. Геометрически таборы представляли собой прямоугольники, треугольники, круги – в зависимости от местности и тактических соображений. Табор давал столь надежную защиту, что армии передвигались в нем и на марше. В возы (на коих размещались стрелки и легкие пушки) запрягали коней, а между рядами возов («таборными улицами») и в центре самого табора маршировали войска. Это превращало вагенбург в настоящую передвижную крепость, для овладения которой требовалось немало усилий и жертв [2, с. 55–69; 3, 202–208]. Табор настолько часто использовался в военных конфликтах XVI–XVII веков, что турки и крымские татары называли словом «табур» не только собственно вагенбург, но и христианские войска вообще [4, с. 406]. Он представлял собой укрепление, предназначенное в первую очередь для защиты

от вражеской кавалерии. Об эффективности вагенбурга против всадников говорит, в частности, успешное применение его гуситами против немецких рыцарей во время Гуситских войн (1419–1434).

На каждый случай успешного прорыва атакующих за возы приходились десятки случаев, когда атака захлебывалась под огнем защитников табора. Но даже прорвав («разорвав», как писали источники XVI–XVII веков) линию возов, воины оказывались в лабиринте «таборных улиц», вынужденные передвигаться по ним под мушкетными выстрелами стрелков, стоявших за последующими линиями возов. Чаще всего защитники вагенбурга «смыкали» его, перекрыв «улицу» на пути наступления врага. Лишь в единичных случаях прорыв линии возов приводил к гибели всего вагенбурга. Именно примеры эффективной борьбы с табором являют собой особенный интерес для исследователя (ввиду трудности таковой для конницы), и потому мы подробнее остановимся на них.

Уже с начала XVI века табор, занимаемый пехотой и артиллерией (первоначально – еще немногочисленной), используют в боях против крымских татар и польско-литовские военачальники. В частности, табор с 300 пехотинцами и 2 пушками был установлен в первой линии польских войск в битве под Лопушной (Вишневецем) в 1512 году. На левом крыле польско-литовских войск в битве под Сокалем (1519) был расположен литовский табор [5, с. 106].

Успешный опыт применения вагенбурга привел к его широкому распространению в Восточной Европе. Основой тактики возникшего в XVI веке запорожского казачества был именно бой в таборе. Французский военный инженер на польской службе Боплан писал о запорожцах: «Больше всего они обнаруживают ловкости и стойкости в сражении в таборе под прикрытием возов (ибо они очень метко стреляют из ружей, которые составляют их обычное вооружение) и при обороне укреплений; они недурны также и на море, но при езде верхом они не настолько искусны. Помню мне случилось видеть, как всего 200 польских всадников обратили в бегство 2000 их наилучших воинов. Но правда и то, что под прикрытием своих таборов сотня казаков не побоится и тысячи поляков или даже [нескольких] тысяч татар» [6, с. 158–159]. И сами крымские татары во второй четверти XVI века использовали вагенбург («гуриен») в кампаниях против черкесов и ногайцев [7, с. 459–461].

Крымские полководцы, имея дело с табором, были вынуждены считаться с его силой. Посему, наряду с открытым штурмом (а то и вместо

него), защищающие его войска предпочитали ослабить противника, контролируя территорию продвижения неприятельских войск, посредством тактики «выжженной земли» и малой войны, представлявшей собой борьбу с вражескими фуражирами и действия на коммуникациях.

Довольно часто крымская конница блокировала вагенбург, превращая боевые действия в осаду противника. По мнению польского историка М. Нагельского, положение блокированного под Зборовом польского табора уже через неделю стало бы похожим на положение осажденных в Збараже поляков [8, с. 156–157]. В 1660 году именно блокада русского лагеря крымской конницей привела к поражению воеводы Василия Шереметева. Крымские всадники перехватывали гонцов, захватывали в плен фуражиров, нападали на отдельные отряды врага, вынуждая его сбиваться в тесную, голодную массу, осажденную в лагере. По словам участвовавшего в Чудновской кампании немецкого офицера на польской службе Иеронима Христиана Хольстена, поляки и крымцы блокировали лагерь царских войск столь плотно, что русские не могли отойти из него далее чем на 20 шагов [9, с. 62]. Другой участник кампании, Самуил Лещинский, писал, что крымцы столь успешно следили за противником, что ежечасно хватили прятавшихся среди травы и деревьев московитов [10, с. 80]. Российский историк Д.Ф. Масловский писал, что крымские татары «были незаменимы для захвата сообщений, для окружения лагеря засадами, для уничтожения фуражных запасов кругом стана; а между тем у Шереметева было более 35 тыс. только строевых коней, ежедневно нуждавшихся в фураже, и вся армия – в топливе» [11, с. 31]. Признавал решающий вклад крымской конницы в поражение русской армии и сам воевода: «Василий Борисович... начальной причиной Чудновской катастрофы признавал неожиданное прибытие татар в помощь полякам: «Я шел, – говорит Шереметев, – против поляков, а про нурадина-царевича не ведал» [12, с. 67–68]. В 1669 году в сражении под Конончей крымские воины, запорожцы и казаки Суховиенко загнали войска гетмана Дорошенко в табор и продержали там в осаде пять недель. От окончательного поражения Дорошенко спасло прибытие турецкого чауша и признание гетмана подданным османского султана [13, с. 934]. Суть блокадной тактики выразил хан Селим I Гирей в разговоре с каймаканом Кара Мустафа пашой во время кампании на Правобережной Украине в 1674 году. Хан предложил паше такой план действий: он, хан, «обступит обоз около и не выпустит никою по съестны и по конские кор-

мы, и московские де ратные люди оголодают и ему, каймакану паше, добывать им в обозе будеспособно» [14, с. 386].

Впрочем, не всегда была возможность избежать боя. При каких обстоятельствах крымские военачальники решались на штурм? Одним из способов справиться с табором была атака на марше. Хотя и движущийся табор было чрезвычайно трудно захватить, однако в движении возы еще не были сцеплены между собой, что давало возможность прорваться между возами и конями. Польский поручик Клобоноловский писал брацлавскому воеводе Адаму Киселю о битве под Желтыми Водами (1648): «Находившихся в осаде трудно было бы достать, и они немало своих должны были бы потерять, поэтому только ждали того, как (наши) из табора выступят. А когда двинулись с табором с места и прошли четверть мили, на них ударили со всех сторон» [15, с. 15]. При этом, как сообщает другой польский источник, орда, «на табор напав, так напирала, что коням в возах головы секла, а других стрелами убивала» [16, с. 119]. Из данного примера видно, что целью атак были кони (это неудивительно, ибо именно они тащили возы). Полякам приходилось останавливаться, чтобы заменить убитых и раненых коней на свежих. Это задерживало их движение и позволило подойти Богдану Хмельницкому, совместно с воинами Тугая бея окончательно разгромившему противника.

В 1684 году под Скалой татары (их число анонимный польский источник оценивал в 2 тыс.) атаковали выходящий из леса табор из 120 легких возов, занятый 1 тыс. казаков. Казаки не успели подготовить вагенбург к бою, развернуть возы и сцепить их между собой, благодаря чему татары прорвались внутрь. Натиск был столь стремителен, что часть казаков бросила табор и бежала в лес. Лишь узнав о подходе свежих польских сил к полю боя, татары отступили [17, с. 225].

Битва под Скалой является также примером успешного «разрыва» табора при обеспечении фактора неожиданности. При небрежном отношении противника к несению стражи можно было надеяться на успех атаки. Так, 29 августа 1621 года под Хотинном, буджакским татарам удалось застать врасплох одну казацкую роту, расположенную на ночлег в таборке (небольшом таборе). При этом многие казаки были изрублены спящими [18, с. 124–125; 19, с. 87].

Крымские татары были известны тем, что предпочитали атаковать врага, обходя его с флангов или тыла. Подобная же тактика применялась и при нападениях на табор. Хотя теоретически вагенбург и был приспособлен для обо-

роны со всех направлений, однако нам известны случаи, когда обход с тыла приносил свои плоды и в противостоянии с вагенбургом. Во время боев под Белой Церковью (1651) польско-литовское командование даже намеренно усилило тыльную стражу табора, ибо «оттуда чаще всего нападала орда» [20, с. 304–305].

В 1633 году в битве под Каменец-Подольским буджакцы обошли поляков с фланга. Польский историк Л. Подхородецкий писал: «Внимание коронных войск было обращено на бои в центре, полк Одживольского не сменил фронт и был застигнут врасплох и смешан. Среди суматохи татары разорвали таборок с пехотой и ворвались в тылы полка Любомирского» [21, с. 51]. Лишь переброской снятых с других участков фронта подкреплений польскому командованию удалось остановить натиск татар. Под Корсунем (1648) «на тыл табора всей мощью наступали татары», в то время как казаки атаковали с флангов [22, с. 120]. В 1664 году в окрестностях Болхова крымцы Саадета Гирея (около 2 тыс.), действовавшие в составе группы Полубенского (помимо крымских татар, в ее состав входило 5 тыс. поляков, литовцев и казаков), сражались с москвитями, засевшими в лагере, прикрытом возами и шанцами. В то время как поляки и литовцы атаковали табор с фронта, крымские татары бросились на врага с тыла, что привело к его деморализации и захвату табора [23, с. 349]. Согласно сообщению участника Крымского похода русской армии в 1689 году, Патрика Гордона, в битве в Черной долине 16 мая 1689 года крымские татары, «нападая вдоль тыла армии по нашу левую руку... набросились на крайних, состоявших из двух многолюдных казацких полков, чей тыл не имел надежной охраны и не был огражден подводами. [Татары] прорвались, перебив много людей и еще больше лошадей и скота» [24, с. 41–42]. Впрочем, против подготовленного к атаке противника даже такие нападения помогали редко. Например, в битве под Каланчаком (1628) буджакские ногайцы атаковали казацкий табор с тыла, но были отражены с большими потерями [20, с. 25].

Как вели себя крымские воины при штурме табора? Так как главной задачей табора было создание труднопреодолимого препятствия между его защитниками и атакующей стороной, последней следовало расчистить пространство для наступления. Крымские татары при атаке на вагенбург стремились проделать проходы сквозь линии возов. Для этого одни приступавшие к табору воины вступали в бой с противником, другие старались опрокинуть возы или оттянуть их в сторону (так поступали и по-

ляки при штурме казачьих таборов [25, с. 82–83]). В описании Причерноморья, составленном неизвестным турецким автором в 1740 году, борьба с табором описывается так: «казаки для защиты загораживают свой стан составленными округ возами, позади которых располагают стрелков с ружьями, чтобы помешать татарам захватывать и уводить пленных. Подобные препятствия татары старались разобрать руками, если это было возможно» [26, с. 144]. Во время штурма гуляй-города под Молодями 2 августа 1572 года «татаровя пришли к гуляю и изымались у города за стену руками; и тут многих татар побили и руки пообсекли бесчисленно много» [27, с. 274]. О стремлении крымцев расчистить пространство для атаки на противника писал также Посошков: «татары, приезжая к рогаткам, хватают крюками за рогатки и разволакивают, а иные и саблями их рубят» [28, с. 262]. Когда же удавалось проделать брешь в линии возов, в табор врвалась конница, скачущая по «таборным улицам» и рубящая противника. Участник Корсуньской битвы (1648) с польской стороны писал: «татары по нашим трупам таборными улицами ворвались в табор, секли, били и остаток табора разгромили, бросились на добычу. Тогда каждый уходил как мог» [22, с. 120–122]. В той же битве крымцы верхом подсакивали к движущемуся вагенбургу и саблями бились с его защитниками прямо над возами [16, с. 206].

Теоретически можно было перескочить возы или рогатки на конях, однако это было связано с большим риском. Польский военачальник Станислав Жолкевский писал, что в битве с восставшими казаками в 1596 году погиб ротмистр Вернек, на коне перескочивший повозку [29, с. 80]. В 1685 году в битве между турецко-крымскими и польскими войсками под Бояном некоторые турецкие всадники перескакивали через поставленные польской пехотой рогатки, но ни один не вернулся обратно [30, с. 89–90]. Оставался единственный вариант – планомерное продвижение сквозь линии возов и вдоль таборных улиц.

В тех редких случаях, когда татары имели превосходство в артиллерии, она также способствовала победе над табором. Так было в 1629 году в битве под Перекопом, где турецкие пушки пробили брешь в стене казачьих возов, что позволило татарской коннице ворваться в табор и нанести поражение противнику [31, с. 342; 32, с. 98–99]. В битве под Рени (31 декабря 1683 г. – 4 января 1684 г.), по словам крымского хрониста Мехмеда Гирея, сам хан Хаджи II Гирей встал у орудия, ведя огонь по пушкам в казачьем таборе [4, с. 319].

По занимавшим позиции за возами воинам велась стрельба из луков. В битве под Корсунем (1648) крымские татары с «большим воодушевлением и густой тучей стрел наших поражали, а затем там, где шеренга возов осталась без защиты, бок целый проломали» [16, с. 176]. Иногда лучший бой велся и без непосредственного наступления на линию возов. «Поутру [венгры] продолжали марш и целый день подвергались яростным налетам татар, кои стремились сломить их и вынуждали делать частые остановки. Множество было убито и ранено с обеих сторон, но больший урон несли венгры, ибо татары, проносясь мимо, выпускали такие тучи стрел, что меркнул свет» – так в представлении Патрика Гордона выглядели бои между армией хана Мехмеда IV Гирея и трансильванским войском 26 июля 1657 года [24, с. 120–121].

И все же стоит отметить, что лучший бой, традиционно играющий большую роль в крымско-татарской тактике, в боях с вагенбургом был малоэффективен. Возы служили надежной защитой для укрывшихся за ними солдат, что вынуждало крымцев при атаках на укрепления полагаться в первую очередь на рукопашный бой. Так, французский инженер на польской службе Боплан писал, что «встречал несколько раз в степи [отряды] татар, численностью доброй полутысячи, которые атаковали наш табор, и хотя меня сопровождало всего 50–60 казаков, они ничего не смогли с нами сделать; равным образом и мы не могли осилить их, так как они не приближались к нам на расстояние выстрела. Сделав несколько притворных попыток атаковать нас и осыпав тучей стрел, летевших на наши головы, так как они посылают стрелы дугообразно, вдвое дальше предела досягаемости нашего оружия, они удалялись» [6, с. 244–245].

Главной силой защитников табора был огонь, следовательно, после истощения запасов пороха и пуль он становился уязвимым для противника. В 1612 году, в битве под Сасовым Рогом, поляки «защищались еще в таборе с пехотой, пока им пуль и пороха хватало, на рассвете же подошли татарские полки и разорвали табор, с товарищества и десятка живых не вернулось» [33, с. 106–107]. Успех крымских татар в боях с казаками под Тобаком в январе 1684 года не в последнюю очередь объяснялся тем, что казаки успели истратить порох в предшествующих боях. По словам союзника казаков, молдавского господаря Петричейку, «против них нельзя было устоять... ибо целое казачье войско без пороха было» [34, с. 340–341]. В 1698 году в одном из боев в окрестностях Азова ногайский отряд окружил 15 русских, которые «бились из ними из обозу». Ногайские всадники

кружили вокруг табора, периодически налетая на него, вынуждая защитников тратить порох. По словам русского участника боя, «как де не стало у них Сенки с товарищи пороху и пулек и отпору от себя давать стало нечим», ногайцы взяли таборок [35, с. 290]. Подобная тактика была успешна в плане сбережения человеческих жизней (погибло лишь двое ногайцев и 8 русских), однако являлась весьма затратной по времени – на бой с полутора десятками русских у значительно большего числа ногайских воинов ушло 5 часов. Позднее, в 1769 году, во время последних в истории крымских набегов на Россию, бывали случаи, когда при действии против малых укреплений крымцы «прибегали к тактике выматывания осажденного противника ложными атаками, заставляя его расходовать боекомплект, а затем шли на штурм» [36, с. 78].

Большое значение при атаках на табор имел боевой дух обеих сторон. Если защитники укрепления станут сражаться до последнего, штурм – даже успешный – будет стоить громадных потерь. По этой причине именно с деморализацией обороняющихся войск связаны практически все крупные победы над табором. Недаром в 1572 году, во время битвы под Молодями, «Дивей мурза с нагаи сказався царь похвально и рек: “Яз обоз русской возьму; и как ужаснутца и здрогнут, и мы их побием”. И прилазил на обоз многажды, чтоб как разорвать» [37, с. 225].

В битве под Бужином (1662) крымцы раз за разом ходили на приступ вагенбурга. Первыми бежали левобережные казаки, а затем и русские воины, «видя их многолюдство и напуски жестокие, дрогнули и почали садитца в суды», начав переправляться через Днепр. Прикрывавший бегство царских ратников арьергард был полностью истреблен [38, с. 61–68]. Позднее, в том же году, на реке Суле крымские татары атаковали Нежинский казачий полк. «Казаки не смогли противостоять стремительному натиску орды. Как писал Ромодановский, черкасы Нежинского полка, «покинув обоз, побежали, и татаровя в обоз въехали», – так описывал успешный приступ крымских татар к казачьему табору российский историк И.Б. Бабулин [38, с. 69–72]. В число кампаний, в которых оборона табора была сокрушена благодаря моральному перевесу над противником, можно отнести действия крымских и буджакских татар против молдавского войска господаря Арона Тирана в 1595 году [29, с. 61–62] и разгром армии валашского господаря Константина Щербана отрядами калга-султана Гази Гирея в 1661 году [39, с. 157–158]. Особенно был известен разгром польского табора в Цецорской кампании 1620 года, – поль-

ские войска, расположившиеся у Могилева, запаниковали и были быстро сметены войсками калга-султана (второго лица в ханстве и преемника хана) Девлета Гирея и Кантемира [3, с. 216].

Благодаря своей устрашающей мощи табор стал символом, своего рода могущественным драконом, победа над которым была свидетельством настоящей доблести и таланта. Сколь сильным было впечатление, производимое вагенбургом, видно по желанию хана Джанибека I Гирея заручиться поддержкой запорожских казаков при походе на буджакских ногайцев, «ибо хорошо помнил, как о сомкнутые шеренги запорожской пехоты разбились яростные атаки буджакских воинов» [2, с. 69]. Желая подчеркнуть свою удаль, крымские военачальники хвастали тем, что «разорвут табор» противника. В 1618 году калга-султан Девлет Гирей «пошел к литовским людям, похвалясь, напремо, а хотел табор разорвать у литовских людей». Провал атак не помешал калге в письме к царю Михаилу Федоровичу заявить: «от города от Каманиса за две мили стоят, отаборясь и окопався рвы, литовские люди. И мы, калга царевич, с нашими ратьми со сто тысячами, прося у бога милости, пошли на литовские таборы и многих литовских людей предали есмь нашей сабле и живых многих поимали» [40, с. 242]. Девлет Гирей специально подчеркивал, что он знал о размещении неприятеля в вагенбурге и, тем не менее, напал на него. В 1623 году, в разговоре с польским послом Кшиштофом Кварзовским, хан Джанибек I Гирей, желая подчеркнуть мощь крымских войск, указал именно на разгром польского табора в 1620 году как наглядную демонстрацию силы крымских татар [31, с. 277].

Крымцы утверждали, что их противники прячутся от прямого столкновения за возами, избегая «настоящей» битвы в открытом поле. Об этом писали хан Девлет I Гирей царю Ивану Грозному в 1572 году о битве под Молодями [41, с. 140], хан Джанибек I Гирей в июле 1619 года царю Михаилу Федоровичу о боях под Ориным [40, с. 241], ханский везирь Сефер Гази ага польскому канцлеру под Жванцем в ноябре 1653 года [13, с. 268; 42, с. 703].

В качестве вывода отметим, что вагенбург и иные виды полевой фортификации были чрезвычайно опасным противником для крымских татар (как и для любой другой кавалерии). Большинство атак на них отражались защитниками. Однако в ряде случаев, умело используя обстоятельства и местность, крымское войско «разрывало табор» и захватывало укрепления противника. При атаках на движущийся вагенбург крымцы делали ставку на прорыв линии возов на марше, пока они еще не соединены друг с другом, стараясь убить и покалечить ко-

ней, тащивших возы. Вместе с тем в борьбе с табором крымская конница использовала традиционную тактику полевых боев, полагаясь на неожиданность нападения и атаки с тыла. При прямых атаках воины подступали к возам, стремясь раздвинуть их в стороны, чтобы расчистить место для кавалерийской атаки. Чтобы подготовить атаку, противника также засыпали стрелами. Однако такие атаки редко были успешны. Наиболее надежным способом справиться с вагенбургом и нанести максимальный урон неприятелю была блокада и контроль над местностью на пути продвижения вагенбурга.

Список литературы

- Listy księcia Jerzego Zbaraskiego, kasztelana krakowskiego, z lat 1621–1631. Kraków, 1878.
- Gawęda M. Powstanie kozackie 1637. Zabrze: Wydawnictwo Inforteditions, 2007.
- Majewski R. Cecora – rok 1620. Warszawa: MON, 1970.
- Kara Mustafa pod Wiedniem: źródła muzułmańskie do dziejów wyprawy wiedeńskiej 1683. roku, z tur. przeł. i oprac. Zygmunt Abrahamowicz. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1973.
- Полное собрание русских летописей. Том 32. М.: Наука, 1975.
- Боплан Гийом Левассер де. Описание Украины. М.: Древлехранилище, 2004.
- Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 3–4, 1979–80.
- Nagielski M. Mit a rzeczywistość przebiegu kampanii zborowskiej 1649 r. // Od Zborowa do NATO (1649–2009). Studia z dziejów stosunków polsko-ukraińskich od XVII do XXI wieku, red. M. Franz, K. Pietkiewicz. Toruń: Adam Marszałek, 2009.
- Holsten Hieronim Chrystian. Przygody wojenne 1655–1666. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1980.
- Leszczyński S. Potrzeba z Szeremetem, hetmanem moskiewskim, i z Kozakami w roku Pańskim 1660 od Polaków wygrana, opr. P. Borek. Kraków 2006.
- Масловский Д.Ф. Записки к истории военного искусства в России. Том I (1683–1762 гг.). СПб., 1891.
- Барсуков А. Род Шереметевых. Книга 6. СПб., 1892.
- Збірник козацьких літописів. Густинський літопис. Літопис Самійла Величка. Літопис Грабянки. К.: Дніпро, 2006.
- Крикун М. Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII століття: Статті і матеріали. К.: Критика, 2006.
- Мицик Ю.А. Джерела з історії Жовтоводської битви 1648 р. Запоріжжя: Тандем-У, 1999.
- Biernacki W. Żółte Wody-Korsuń 1648. Warszawa: Bellona, 2008.
- Wagner M. Kampania zwaniecka 1684 roku. Warszawa: Attyka, 2013.
- Pamiętniki o Wyprawie Chocimskiej Roku 1621 Jana Hrabiego z Ostroroga, Prokopa Zbigniewskiego, Stanisława Lubomirskiego i Jakuba Sobieskiego zebrał Żegota Pauli. Krakow, 1853.
- Podhorodecki L. Chocim 1621. Warszawa: Bellona, 2008.
- Grabowski A. Starożytności historyczne polskie. Tom 1. Krakow, 1840.
- Podhorodecki L. Wojna polsko-turecka 1633–1634 r. // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. Tom 20, 1976.
- Nagielski M. Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okресu «Ogniem i Mieczem» (1648–1651). Warszawa, 1998.
- Majewski A. Andrzej. Zagon Aleksandra Hilarego Połubińskiego w głąb Państwa Moskiewskiego w 1664 roku // Studia z dziejów stosunków Rzeczypospolitej z Państwem Moskiewskim w XVI–XVII wieku, pod red. M. Nagielskiego, K. Bobiatyńskiego, P. Gawrona. – Zabrze – Tarnowskie Góry, 2013.
- Гордон Патрик. Дневник 1635–1659. М.: Наука, 2001.
- Кроль П. Тактыка барацьбы войска Рэчы Паспалітай з казакамі ў 1591–1638 гг. // Беларускі Гістарычны Агляд. Том 15. Мінск, 2008.
- Губоглу М. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Том 1. М., 1964.
- Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962.
- Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.
- Żółkiewski S. Listy Stanisława Żółkiewskiego 1584–1620. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1868.
- Dyakowski M. Dyaryusz wiedeńskiej okazyji. Warszawa: Wydawn. Ministerstwa Obrony Narodowej, 1983.
- Жерела до історії України–Руси. Том 8. Львів, 1908.
- Baranowski B. Polska a Tatarszczyzna w latach 1624–1629. Łódź, 1948.
- Prochaska A. Hetman Stanisław Żółkiewski. Warszawa, 1927.
- Чухліб Т. Козаки і монархи. Міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721 рр. К.: Видавництво імені Олени Теліги, 2009.
- Вернадский Г.В. К истории колонизации Азовского побережья. Азовские дела по сношениям с Крымом и Кубанью архива Таврической Ученой Архивной Комиссии // ИТУАК. Том 57. Симферополь, 1920.
- Грибовский В.В. Последние «татарские набегы» 1769 г. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 мая 2016 г.). Ростов н/Д: Альтаир, 2016.
- Полное собрание русских летописей. Том 34. М.: Наука, 1978.
- Бабулин И.Б. Каневская битва 16 июля 1662 г. М.: Фонд «Русские Витязи», 2015.
- Костин Мирон. Летопись земли Молдавской. Кишинёв, 2014.
- Документи російських архівів з історії України. Том 1. Документи до історії запорозького козацтва 1613–1620 р. Львів, 1998.

41. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. М.: Издательский дом Марджани, 2016.
42. Michałowski J. Księga pamiętnicza. Kraków, 1864.

43. Гордон Патрик. Дневник 1690–1695. М.: Наука, 2014.
44. Gołębiowski S. Szahin Giraj i kozacy // Biblioteka warszawska. Tom II, 1852.

**A TERRIBLE AND HABITUAL ENEMY:
CAVALRY OF THE CRIMEAN KHANATE AGAINST WAGON FORTS (16th–17th century)**

A.A. Sheykhumero

The article deals with the tactics employed by the Crimean Tatar cavalry against wagon forts. Some tactical techniques used by the khan's military commanders encountering wagon forts are explained. Most often, attacks on the march and blockade were used for to capture a wagon fort. Direct attacks on the wagon forts, as a rule, were beaten off by its defenders. Cases of total destruction of a wagon fort by Crimean Tatars were extremely rare because of its counter-horsemen efficiency. However, under certain circumstances, even such a strong and effective fortification could be captured in the battle with the cavalry. The author shows the attitude of the Crimean Tatars towards the wagon forts, who paid their respected to wagon forts' efficiency, but at the same time boasted that their enemies were afraid of a field battle and used wagon forts instead.

Keywords: Crimean khanate, warfare, cavalry, Eastern Europe, tactics, wagon forts, Cossacks.

References

1. Listy księcia Jerzego Zbaraskiego, kasztelana krakowskiego, z lat 1621–1631. Kraków, 1878.
2. Gawęda M. Powstanie kozackie 1637. Zabrze: Wydawnictwo Inforteditions, 2007.
3. Majewski R. Cecora – rok 1620. Warszawa: MON, 1970.
4. Kara Mustafa pod Wiedniem: źródła muzułmańskie do dziejów wyprawy wiedeńskiej 1683. roku, z tur. przeł. i oprac. Zygmunt Abrahamowicz. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1973.
5. Polnoe sobranie russkih letopisej. Tom 32. M.: Nauka, 1975.
6. Boplan Gijom Levasser de. Opisanie Ukrainy. M.: Drevlekhranilishche, 2004.
7. Inalcik N. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 3–4, 1979–80.
8. Nagielski M. Mit a rzeczywistość przebiegu kampanii zborowskiej 1649 r. // Od Zborowa do NATO (1649–2009). Studia z dziejów stosunków polsko-ukraińskich od XVII do XXI wieku, red. M. Franz, K. Pietkiewicz. Toruń: Adam Marszałek, 2009.
9. Holsten Hieronim Chrystian. Przygody wojenne 1655–1666. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1980.
10. Leszczyński S. Potrzeba z Szeremetem, hetmanem moskiewskim, i z Kozakami w roku Pańskim 1660 od Polaków wygrana, opr. P. Borek. Kraków 2006.
11. Maslovskij D.F. Zapiski k istorii voennogo iskusstva v Rossii. Tom I (1683–1762 gg.). SPb., 1891.
12. Barsukov A. Rod Sheremetevyh. Kniga 6. SPb., 1892.
13. Zbirnik kozac'kih litopisiv. Gustin'skij litopis. Litopis Samijla Velichka. Litopis Grabyanki. K.: Dnipro, 2006.
14. Krikun M. Mizh vijnoyu i radoyu. Kozactvo Pravoberezhnoï Ukraïni v drugij polovini XVII – na pochatku XVIII stolittya: Statti i materiyali. K.: Kritika, 2006.
15. Micik Yu.A. Dzherela z istorii Zhovtovods'koï bitvi 1648 r. Zaporizhzhya: Tandem-U, 1999.
16. Biernacki W. Żółte Wody-Korsuń 1648. Warszawa: Bellona, 2008.
17. Wagner M. Kampania zwaniecka 1684 roku. Warszawa: Attyka, 2013.
18. Pamiętniki o Wyprawie Chocimskiej Roku 1621 Jana Hrabi z Ostroroga, Prokopa Zbigniewskiego, Stanisława Lubomirskiego i Jakuba Sobieskiego zebrał Żegota Pauli. Krakow, 1853.
19. Podhorodecki L. Chocim 1621. Warszawa: Bellona, 2008.
20. Grabowski A. Starożytności historyczne polskie. Tom 1. Krakow, 1840.
21. Podhorodecki L. Wojna polskoturecka 1633–1634 r. // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. Tom 20, 1976.
22. Nagielski M. Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu «Ogniem i Mieczem» (1648–1651). Warszawa, 1998.
23. Majewski A. Andrzej. Zagon Aleksandra Hilarego Połubińskiego w głąb Państwa Moskiewskiego w 1664 roku // Studia z dziejów stosunków Rzeczypospolitej z Państwem Moskiewskim w XVI–XVII wieku, pod red. M. Nagielskiego, K. Bobiatyńskiego, P. Gawrona. – Zabrze – Tarnowskie Góry, 2013.
24. Gordon Patrik. Dnevnik 1635–1659. M.: Nauka, 2001.
25. Kroll' P. Taktyka barac'by vojska Rehchy Pacpalitaj z kazakami ŷ 1591–1638 gg. // Belaruskij Gistarychny Aglyad. Tom 15. Minsk, 2008.
26. Guboglu M. Tureckij istochnik 1740 g. o Valahii, Moldavii i Ukraine // Vostochnye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoj i Central'noj Evropy. Tom 1. M., 1964.
27. Buganov V.I. Povest' o pobede nad krymskimi tatarami v 1572 g. // Arheograficheskij ezhegodnik za 1961 god. M., 1962.
28. Pososhkov I.T. Kniga o skudosti i bogatstve i drugie sochineniya. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1951.
29. Żółkiewski S. Listy Stanisława Żółkiewskiego 1584–1620. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1868.

30. Dyakowski M. Dyaryusz wideńskiej okazyji. Warszawa: Wydawn. Ministerstwa Obrony Narodowej, 1983.
31. Zherela do istorii Ukraïni–Rusi. Tom 8. L'viv, 1908.
32. Baranowski B. Polska a Tatarszczyzna w latach 1624–1629. Łódź, 1948.
33. Prochaska A. Hetman Stanisław Żółkiewski. Warszawa, 1927.
34. Chuhlib T. Kozaki i monarhi. Mizhnarodni vidnosini rann'omodernoï Ukraïns'koï derzhavi 1648–1721 rr. K.: Vidavnictvo imeni Oleni Teligi, 2009.
35. Vernadskij G.V. K istorii kolonizacii Azovskogo poberezh'ya. Azovskie dela po snosheniyam s Krymom i Kuban'yu arhiva Tavricheskoj Uchenoj Arhivnoj Komisii // ITUAK. Tom 57. Simferopol', 1920.
36. Gribovskij V.V. Poslednie «tatarskie nabegi» 1769 g. // Vojna i voïnskie tradicii v kul'turah narodov Yuga Rossii (V Tokarevskie chteniya): Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Rostov-na-Donu, 6–7 maya 2016 g.). Rostov n/D: Al'tair, 2016.
37. Polnoe sobranie russkih letopisej. Tom 34. M.: Nauka, 1978.
38. Babulin I.B. Kanevskaya bitva 16 iyulya 1662 g. M.: Fond «Russkie Vityazi», 2015.
39. Kostin Miron. Letopis' zemli Moldavskoj. Kishinyov, 2014.
40. Dokumenti rosijs'kih arhiviv z istorii Ukraïni. Tom 1. Dokumenti do istorii zaporoz'kogo kozactva 1613–1620 p. L'viv, 1998.
41. Posol'skaya kniga po svyaziam Moskovskogo gosudarstva s Krymom 1571–1577 gg. M.: Izdatel'skij dom Mardzhani, 2016.
42. Michałowski J. Księga pamiętnicza. Kraków, 1864.
43. Gordon Patrik. Dnevnik 1690–1695. M.: Nauka, 2014.
44. Gołębiowski S. Szahin Giraj i kozacy // Biblioteka warszawska. Tom II, 1852.